

Милана Седина
Юнона Стангард

Мой
ФИГУРИСТ
Чистый прокат

Юнона Стангард

Мой фигурист. Чистый прокат

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой фигурист. Чистый прокат / Ю. Стангард — «Автор»,
«Автор», 2026

Я — Алёна Воронова, хореограф и бывшая фигуристка. Однажды партнёр уронил меня с поддержки. Теперь я умею ставить чемпионские программы, но снова довериться мужским рукам — совсем другое дело. Ярослава Северного после перелома позвоночника списали даже те, кто раньше гордился его медалями. Бывший тренер отбирает у него лёд, федерация закрывает дорогу на турнир. А я беру его за руку и вывожу на арену. Мы будем катать мою программу — наперекор боли, травле и чужим приговорам. Только на тренировках всё труднее отделить работу от желания: его ладони на моей талии обещают больше, чем удачную поддержку. Он хочет вернуть своё место среди лучших. Я хочу поверить, что этот мужчина не уронит меня — ни на льду, ни в любви.

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вызов на рассвете	6
Глава 2. Полет на вытянутой руке	10
Глава 3. Тишина пустого дворца	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Милана Седина, Юнона Стангард

Мой фигурист. Чистый прокат

Мой фигурист. Чистый прокат
Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1. Вызов на рассвете

Шесть двадцать восемь утра. В служебном вестибюле спортивного комплекса «Айс-Холл» стоял промозглый, колючий сквозняк, пахнувший талым льдом, мокрыми резиновыми дорожками и едким сизым выхлопом льдозаливочного комбайна Zamboni дяди Миши. Этот запах въелся в бетонные плиты десятилетия назад, как въедается холод в связки после много-часовых раскаток. Мои пальцы заоченели в тонких кожаных перчатках. В кармане пальто я сжимала холодный пластик хореографического угломера — мой главный рабочий инструмент выверки суставов, баланса осей и углов наклона корпуса.

Я увидела его сразу, как только толкнула тяжелую стеклянную дверь с улицы.

Ярослав Северный стоял у заблокированного турникета. Неподвижный, огромный, широкоплечий. От него веяло морозной свежестью, глухим скрипом кожаных ботинок и запахом оружейного масла. Его плечи были затянuty в старую черную куртку сборной. На рукавах и груди сияли белесые следы: спонсорские шевроны и гербы федерации с него спарывали наспех канцелярским ножом прямо в кабинете главного тренера полгода назад, когда врачебный консилиум списал его после тяжелого перелома позвоночника. Рядом на мокром кафеле валялся его раскрытый баул: из него вывалились пластиковые чехлы от лезвий, моток эластичного бинта, помятая литровая термокружка и тяжелая стальная цепь с толстым винтовым замком — его привычная экипировка, память о дворовых норильских коробках, где инвентарь закрывали намертво, чтобы не утащили чужие.

Я сделала шаг к вертушке, доставая пластиковую карту.

Охранник Сидорчук в серой помятой униформе лениво нажал педаль под стойкой, загоня толстый красный штырь блокиратора в паз перед моим бедром.

— Проход закрыт, Воронова, — силло бросил он, даже не глядя на меня. — Распоряжение старшего тренера Каверина. Гражданину Северному вход на объект запрещен в любое время суток. Лица, сопровождающие списанный контингент, блокируются до выяснения обстоятельств.

Я не сдвинулась с места ни на полшага. Медленно вытащила из кармана ламинированную лицензию главного балетмейстера-постановщика центра и с глухим стуком прижала пластик к стеклянной перегородке прямо перед его мясистым носом.

— Ты блокируешь постановщика олимпийской программы, Сидорчук. В пункте четыре точка два моего трудового договора прописан круглосуточный служебный допуск на арену и в хореографические классы. Если через пять секунд вертушка не щелкнет, я оформляю служебную записку на имя директора о срыве предолимпийского графика сборной лично под твоей фамилией. И объяснять директору, почему сорван выделенный мне лед, будешь ты.

Сидорчук поперхнулся воздухом, судорожно глянул на гербовую печать, убрал ногу с педали и вдавил кнопку деблокировки. Турникет щелкнул, освобождая проход. Но в ту же секунду охранник сорвал трубку внутренней связи:

— Степан Ильич? Она здесь. И она его заводит.

Я перешагнула турникет и обеими руками потянула на себя мокрый ремень баула. Ярослав вздрогнул. Его огромная огрубевшая ладонь со сбитыми костяшками накрыла мою руку. Пальцы были горячими, как раскаленный камень, и пахли оружейной смазкой и табаком.

— Не трогай, Алёна, — его голос был низким, хриплым и до краев наполненным безнадёжностью. — Я сам. Не марайся об меня. Тебе здесь еще работать.

— Замолчи, Северный, — отрезала я, глядя ему прямо в глаза. — Подними сумку и выпрями спину. Ты еще на лед не вышел, а уже хоронишь себя.

По резиновому настилу служебного тоннеля загрохотали тяжелые шаги. Из-за поворота, распахнув пуховую жилетку с золотым секундомером на шее, летел Степан Каверин, а следом семенил перепуганный директор комплекса Савельев, нервно поправляя галстук.

— Стоять! — заорал Каверин еще за десять метров, выбрасывая вперед короткий палец. — Воронова, ты совсем берега потеряла?! Какого черта ты приволокла сюда этого инвалида?!

Он подскочил к нам и протянул руку, намереваясь вырвать баул из пальцев Ярослава:

— Пошел вон отсюда, Северный! Твое время кончилось! Твой лед продан коммерческой группе Синцова, деньги уже внесены в кассу!

Я резко шагнула вперед, отрезая Каверина корпусом. Достала из планшета плотный лист суточного расписания с синей печатью канцелярии и жестко ткнула бумагой ему прямо в пуховик:

— Шесть тридцать утра, Степан Ильич. Технологическое окно для хореографических проб постановщиков. Время Синцова начнется позже. Это мое личное служебное время. Я имею законное право вывести на лед любого фигуриста, которого считаю нужным для поиска элементов.

— Ах ты дрянь... — прошипел Каверин. — Тогда инвентарь останется на складе! Коньки принадлежат школе олимпийского резерва! Снимай ботинки, Северный, или охрана срежет шнурки прямо с мясом!

Каверин подался вперед, протягивая пальцы к черным ботинкам с гравировкой «Graf».

И в эту секунду Ярослав сделал полшага вперед.

Он коротко сократил дистанцию и положил тяжелую горячую ладонь на плечо тренера. Пальцы Ярослава плотно замкнули сухожилия сквозь ткань пуховика. Каверин мгновенно осекся на полуслове. Его лицо из багрового стало синюшно-серым, а колени невольно подогнулись под давящей массой чемпиона.

— Руки убери, Степан Ильич, — негромко произнес Ярослав с ледяной, спокойной силой. — Мои лезвия куплены на призовые за чемпионат Европы в Граце. Ты к ним не прикасался и пальцем не прикоснешься. Еще раз дернешься к моим вещам — я оторву тебе ключицу.

Каверин судорожно сглотнул от боли в плече и отшатнулся к стене, когда Ярослав разжал пальцы:

— Савельев! Уволь ее по статье прямо сейчас! Либо эта девка сегодня же вылетает с волчьим билетом, либо Малинин перекроет бюджет на отопление арены!

Я повернулась к Савельеву, глядя ему прямо в переносицу:

— Артем Борисович, через две недели приедет комиссия Минспорта по авторским правам на программы юниорской сборной. Все золотые дорожки шагов оформлены на мое имя. Если вы сейчас подпишете незаконное увольнение, завтра утром я увожу троих призеров первенства Москвы в частную школу. А видеозапись вашей травли чемпиона через час окажется в личном канале Екатерины Ветровой. Выбирайте.

Савельев побелел, нервно сглотнул ком и резко махнул рукой:

— Уймись, Степан. Воронова права. Технологическое окно выделено под хореографию. Дайте им сорок минут. Под ее личную ответственность.

Каверин задохнулся от злобы, но отступил:

— Сорок минут? Ну-ну. Посмотрим, как твой покойник поднимет тебя без скорой помощи. Иди, Воронова. Забирай своего калеку.

Мы вышли на главную арену.

Огромный зал встретил нас синеватым полумраком. Горели только дежурные желтые лампы над трибунами, выхватывая ряды пустых сидений. Зеркало льда — темно-синее, влажное, с идеальной глянцево-гладью после ночной заливки — казалось бескрайним. Воздух здесь был колючим, кристально чистым, мгновенно оседающим морозным паром на губах.

Я сбросила защитные чехлы и соскользнула на зеркало. Тонкий свист лезвий разрезал тишину арены.

Ярослав остался на резиновом мате у кромки. Он уже переобулся в коньки, его лезвия сверкали, но он стоял неподвижно, опустив руки. Полгода в палатах ЦИТО и чиновничий приговор «списан» сковали его волю. Сделать шаг на лед означало либо доказать себе, что жизнь продолжается, либо сломаться окончательно на моих глазах.

Я вернулась к бортику, перегнулась через мягкий поручень, протянула руки и сжала его замерзшие пальцы:

— Посмотри на меня, Ярослав. Здесь нет судей и Каверина. Только ты, я и чистый прокат. Твой лед никто не посмеет забрать. Шагай.

Он тяжело втянул воздух сквозь стиснутые зубы, перенес вес тела — и его правый конек с глухим, сочным хрустом вонзился во внешнее ребро. Сталь взрезала ледовую гладь. Звук этот прозвучал под сводами арены как выстрел. Психологический ступор лопнул. Ярослав шагнул обеими ногами на зеркало, и плечи его расправились сами собой.

Но сверху из радиорубки взревел дизель: в створе гаража вспыхнули желтые фары заливочной машины Zamboni. Каверин перегнулся через перила и заорал в громкую связь:

— Профилактическая полировка покрытия! Освободить поле! Всем покинуть арену!

Я сорвалась с места, за три секунды пролетела по диагонали арены, затормозила у открытой кабины заливочной машины и забарабанила чехлом по металлической двери:

— Дядя Миша! Глуши мотор! Твоей внучке Полинке через месяц сдавать на разряд. Заглуши машину — и я сегодня вечером бесплатно поставлю ей короткую программу! Лучшую в городе, с которой она возьмет разряд без всяких взяток Каверину!

Дядя Миша замер на рычаге гидравлики. Посмотрел на рубку Каверина, сплюнул на бетон, повернул ключ зажигания, показал в сторону радиорубки смачный кукиш и заглушил двигатель. На арене воцарилась хрустальная тишина.

По ступеням трибун уже сбегал Каверин со слесарем, сжимая разводной ключ. Ярослав подъехал к калитке борта изнутри, вынул из кармана стальную цепь, дважды обмотал хромированные ручки створки и закрутил винтовой замок намертво. Каверин налетел на борт с разбегу — замок держал глухо.

— Сорок минут, Степан Ильич, — уронил Ярослав. — Время пошло.

Мы остались хозяевами арены.

— За мной! — скомандовала я. — Широкая дуга, внешнее ребро, синхронный круг!

Он толкнулся мощно, с чудовищной силой. Скорость нарастала мгновенно — в нем жила зверская динамика силовика. Но на правом вираже он по привычке завалил плечо внутрь — лицо Ярослава исказила судорога боли в пояснице. Он зашипел, срывая траекторию.

Я подсекла его дугу коньком, вылетев прямо перед его грудью, и жестко толкнула его бедро наружу:

— Не ломай корпус! В парном катании не давят массой, здесь держат ребро! Наружу бедро! Плечи параллельно борту! Дыши низом живота!

Ярослав перенес вес на внешнее ребро — дуга выровнялась, и боль отступила. Он скользил по широкой дуге, глядя на свои коньки с детским изумлением:

— Не тянет... Связка не горит...

— А теперь параллельный твизл! — крикнула я.

Мы пошли на вращение. Разница в габаритах — его метр девяносто пять против моих метр шестьдесят восемь — на центробежной силе начала швырять меня в сторону борта. Я сократила дистанцию, вцепилась обеими руками в ремень его комбинезона и притянула его к себе вплотную. Нас закрутило в едином вихре. Я чувствовала сквозь шерсть жар его тела и стук сердца:

— Никакой дистанции! Твое плечо — над моим виском! Мы одна ось, Ярослав! Одно тело!

Его огромная рука сомкнулась на моей талии, фиксируя контакт. Вибрация исчезла. Две разные массы слились в единый маховик, безупречно вписавшийся в круг.

Глава 2. Полет на вытянутой руке

Мы остановились в центре арены, переводя дыхание.

— Проверим подъем на грудь, — глухо бросил Ярослав. В его глазах вспыхнул темный азарт.

Мы зашли на параллельный ход. И тут сработала проклятая привычка Ярослава брать поддержку одной силой: его тяжелые пальцы впились мне в бока силовым клещом, оставляя багровые следы на ребрах. Он попытался выжать мои сорок восемь килограммов вверх чистой взрывной силой бицепсов, оторвав таз от опорной ноги.

В поясничном отделе сработал защитный рефлекс: травмированный сегмент L4-L5 мгновенно сковало спазмом. Мышцы окаменели. Ярослав хрипнул, его колени дрогнули, руки затряслись. Я зависла на уровне его плеч.

Инстинкт фигуристки сработал безотказно: я сгруппировалась, сбросила вес вперед на его предплечья, оттолкнулась ладонями от его ключиц и соскользнула вниз, чисто встав на лед. Падения не случилось, но подъем сорвался.

Ярослав согнулся пополам, уперев руки в колени, с бешено пульсирующими венами на висках:

— Черт! Еще раз! — прорычал он, выпрямляясь через силу. В его глазах полыхало бешенство. — Я выжму тебя на руках! Я не сдохну на глазах у этой мрази!

Он снова протянул ко мне руки, готовый рвать связки ради тупой мужской гордости. Я сделала два шага вперед и с размаху прижала обе ладони к его вздымающейся груди:

— Заткнись, Северный! Сдохнуть ты всегда успеешь! Ты не бревна ворочаешь, ты в парном катании! Здесь команду я! Ты будешь слушать мои пальцы, мои углы и мою биомеханику! Гордость засунь в баул и застегни на молнию! Понял?!

Ярослав тяжело дышал. Мои ладони чувствовали, как колотится его сердце — мощно, гулко, словно кузнечный молот. Вся его двухметровая громада дрожала от напряжения. Секунда, две, три... Медленно его сжатые кулаки разжались. Ярослав опустил голову и хрипло выдохнул:

— Понял. Командуй, Воронова.

— Живо к станку.

Я подтащила его к хореографическому поручню у борта, заставила опереться предплечьями и задрала край термокофты. Вдоль поясничного отдела белел послеоперационный рубец, а справа от четвертого позвонка надулся каменный мышечный желвак.

— Дыши, Ярослав. Ровно, глубоко. Вдох носом... выдох ртом... До самого конца...

Я убрала руки от старого рубца и дождалась, пока он перестанет задерживать дыхание. Несколько минут мы стояли у поручня. Постепенно напряжение в плечах ослабло, и он перестал стискивать зубы. Ярослав застонал от облегчения, упираясь лбом в дерево поручня, а затем медленно выпрямился:

— Отпустило... Боль ушла. Как ты это делаешь?

— Научилась вовремя останавливаться. Боль вернется — закончим сразу. На часах двенадцать минут.

В ложе Каверин уже навел на нас тяжелый объектив видеокамеры.

— Что теперь? — спросил Ярослав, и в его взгляде зажегся огонь.

— Высокая поддержка «лассо». Прямо сейчас. На одной вытянутой руке.

Мы сорвались в максимальный диагональный разгон. Ветер засвистел в ушах. На мгновение внутри шевельнулся старый ледяной страх — память о том, как три года назад в парном катании на высоте трех метров партнер разжал пальцы и уронил меня затылком на лед, после

чего мне пришлось уйти в танцы на льду, где второй напарник сбежал в Штаты. Мой конек чиркнул, сбрасывая ход.

Но Ярослав мгновенно перехватил мое запястье железной хваткой, глядя прямо в зрачки: — Я держу тебя, Алёна. Я никогда тебя не отпущу. Верь мне!

Страх растворился. Ярослав заметил объектив Каверина и резко сменил ребро, пряча точку отталкивания за своей широкой спиной. На фазе толчка мое лезвие попало в выбоину во льду — верный срыв! Но вместо остановки Ярослав подсел ниже, намертво заблокировал таз и чудовищным импульсом ног и широчайших мышц катапультировал меня вертикально вверх!

Я взмыла под самые балки купола, на три с половиной метра над зеркалом арены. Ярослав перехватил мою талию одной правой рукой и с глухим щелчком выпрямил локоть в стальной замок. Я раскрылась в безукоризненный шпагат прямо под софитами.

Он скользил на одном лезвии через всю арену. Я сместила корпус вперед ровно на три сантиметра, перенесла общий центр тяжести строго на его опорную пятку. Ярослав перестал заваливаться вперед; его хват стал устойчивее. Ярослав шел по дуге плавно и мощно, как ледокол.

— Спуск! — скомандовала я.

Он мягко согнул локоть, подхватил меня под лопатки, прижал к широкой груди и принял весь остаточный импульс на пружинящие колени. Мои коньки бесшумно коснулись льда. В кольцо его рук я чувствовала бешеное биение его сердца и жар дыхания на виске.

Ярослав выкатил нас к ложе. Каверин стоял у перил с опущенной камерой и побелевшим лицом.

— Лед наш, Степан Ильич, — негромко произнес Ярослав. — Привыкай.

Я отправила Ярослава в раздевалку, накинув на него пуховик, а сама взбежала на третий этаж медблока. Часы показывали восемь утра.

Дверь кабинета спортивного врача базы была опечатана белой лентой с круглой синей печатью контрольно-ревизионной комиссии федерации. Малинин перекрывал все выходы. Я скользнула в технический коридор автоклавной и трижды постучала в глухую служебную дверь. Инга Решетник в белом халате втянула меня внутрь и заперла защелку:

— С ума сошла, Воронова?! Каверин уже строчит докладную, что ты устроила драку на вахте!

— Открой архив ЦИТО, Инга. Срочно.

Инга села за компьютер, ввела служебный пароль — экран мигнул алым: «Ошибка 403. Доступ заблокирован приказом федерации».

— Малинин закрыл сервер вчера, — развела руками Инга.

— Ты была в операционной Ярослава, — шагнула я вперед. — Ты никогда не верила электронным копиям.

Инга помолчала, достала связку ключей и открыла тяжелый несгораемый сейф в углу. Из-под коробок с ампулами она извлекла плотный крафтовый конверт с сургучной печатью хирурга ЦИТО.

Щелкнул негатоскоп. Матовое стекло озарилось холодным белым светом. Инга заправила пленку томографии поясничного отдела Ярослава. Возле четвертого позвонка L4 отчетливо выделялась темная плотная тень.

Я поднесла угломер к снимку, но Инга придержала мою руку:

— По пленке углы программы не рассчитывают, Алёна. Здесь нужна врачебная оценка. Она раскрыла заключение хирурга, которое лежало в том же конверте.

— Перелом сросся, — сказала Инга. — Это снимок после реабилитации, а Каверин всем показывает старый, сразу после падения. Но срашение еще не означает, что можно вернуться к прежним нагрузкам. Нужен новый осмотр и допуск.

Я показала ей видео утренней поддержки «лассо» на телефоне. Инга смотрела на экран с плотно сжатыми губами:

— Вы сделали это сегодня? Больше никаких проб через боль. Я запишу его на повторное обследование и сама проверю восстановление. Старую бумагу пора пересмотреть, а не прятать ее за печатью федерации.

В коридоре загремели тяжелые шаги. Дверная ручка процедурной дернулась:

— Решетник! — раздался голос Каверина. — Открывай!

Инга мгновенно сорвала снимок Ярослава, спрятала под клеенку кушетки, а на стол положила копию прежнего заключения Северного. Красная отметка о недопуске еще оставалась в силе.

Дверь распахнулась. Каверин ввалился в кабинет:

— Акт о списании Северного готов?! Малинин требует скан!

Инга с подчеркнуто брезгливой миной протянула ему папку:

— Здесь прежнее заключение, Степан Ильич. Нового акта о списании я не подписывала.

Дату прочитайте прежде, чем отправлять скан.

Каверин мазнул взглядом по красной отметке и хищно осклабился:

— Вот и отлично. Одним нахлебником меньше. А Вороновой я сегодня устрою порку на педсовете.

Он развернулся и выскочил в коридор, громко хлопнув дверью.

Как только шаги стихли, Инга подошла к медицинскому холодильнику и достала увесистую круглую банку из темного синего кобальтового стекла:

— Держи бальзам, которым он пользовался во время восстановления. Но мазь не лечит позвоночник и допуск не заменяет. Я сегодня посмотрю его сама и объясню, что ему разрешено. По старому расписанию смотр через четырнадцать дней, а Малинин уже требует комиссию через трое суток. Днем вам здесь тренироваться не дадут.

— Значит, будем кататься ночью, — я спрятала банку в карман пальто рядом с угломером. — С одиннадцати вечера до трех утра, когда комплекс пуст.

На служебной парковке возле черного джипа стоял Каверин. Он нервно курил, стряхивая пепел на мокрый снег. Увидев меня, он швырнул окурок под колеса и шагнул наперерез:

— Лезь в петлю, Воронова! Твой медведь оторвет тебе голову или сломает вторую половину позвоночника, а я с удовольствием посмотрю, как тебя вынесут на носилках!

Я прошла мимо него, словно сквозь пустое место, вышла за ворота комплекса и заставила себя переждать этот бесконечный тревожный день в городе, рассчитывая углы биомеханики. Днем оставаться в «Айс-Холле» было опасно: Каверин рыскал с охраной по всем коридорам. Вечером я встретила с Полинкой в маленьком зале соседней школы: дядя Миша привез внучку сам. Мы разобрали ее дорожку, и домой девочка ушла, прижимая к груди записанные мной счета. Слово я сдержала. Лишь к одиннадцати ночи, когда дворец погрузился в сон и запер парадные двери, я проскользнула через пожарный выход и спустилась в подтрибунный тоннель.

Мужская раздевалка №4 встретила меня гулкой тишиной. Горела лишь одна тусклая желтая лампа над зеркалом. На нашем шкафчике уже висела тяжелая стальная цепь, намертво стянутая винтовым замком — знак нашего закрытого мира и тайного договора. Ярослав ждал меня, как мы и договаривались.

Он сидел на деревянной скамье спиной ко мне, сбросив кофту. Его широкая спина мерно вздымалась, а вдоль позвоночника белел длинный рубец.

Я подошла неслышно, открутила крышку банки. Пряный аромат воска и терпких трав заполнил комнату. Я зачерпнула плотную мазь, растерла между ладонями до сухого жара и опустила пальцы на его напряженные лопатки.

Ярослав вздрогнул, судорожно втянул воздух сквозь зубы, но не отстранился. Его голова опустилась на грудь, а стальные мышцы под моими руками начали медленно оттаивать.

И в этот миг в запертую изнутри дверь раздевалки раздался тяжелый, сотрясающий петли стук.

Глава 3. Тишина пустого дворца

В одиннадцать вечера пустой комплекс окончательно затих. Тяжелый стук в запертую изнутри дверь раздевалки №4 заставил меня вздрогнуть. Пальцы на мгновение замерли на горячей коже Ярослава.

— Кто? — не оборачиваясь, глухо бросил Северный.

— Свои, не рычи, — послышался из-за крашеной фанеры сиплый голос дяди Миши. — Смена моя кончилась. Каверин с директором умотали в ресторан, охрану на вахте сменили на сонных дедов. Вот, держи, пока никто не видит.

Ярослав поднялся, накинуд на плечи пуховик и отпер засов. В щель просунулась узловатая рука старого заливщика, протягивая тяжелую латунную связку ключей на стальном кольце:

— Дежурный комплект от всех служебных переходов и калитки арены. Катайтесь, ребята. Я сорок лет этот лед полирую и чувствую, за кем правда. Закроетесь изнутри.

Ярослав сжал связку в кулаке и молча кивнул старику. Дверь снова встала на засов.

— Садись обратно на скамью, — велела я, завинчивая банку. — Мы не закончили.

Густая швейцарская мазь пахла горной арникой, растопленным воском и горьким альпийским корнем, обжигая подушечки пальцев сухим, глубоким жаром. Я опустила на колени позади него. Мои ладони медленными кругами скользили по его плечам и лопаткам. Ниже белел неровный послеоперационный рубец; к нему я не прикасалась.

Ярослав судорожно втянул воздух сквозь зубы. Его могучие плечи дернулись, он уперся кулаками в дубовую доску скамьи, пытаясь податься вперед:

— Хватит, Алёна. Ты мне не сиделка. Я сам справлюсь. Не надо ко мне прикасаться.

Я не убрала рук. Напротив — снова положила ладони ему на плечи, дожидаясь ответа:

— Сидеть, Северный. Инга сегодня тебя осмотрела и разрешила легкое растирание плеч. Если больно — говори сразу. Расслабь трапецию. Немедленно.

Ярослав шумно, протяжно выдохнул. Его тяжелая голова опустилась на грудь, а каменные желваки под моими пальцами начали медленно, податливо оттаивать, впитывая целебный огонь бальзама. Спазм отступил, уступая место ровному, пульсирующему теплу.

— Одевайся, — тихо сказала я. — Пойдем ко мне в тренерскую. Надо разметить партию дорожки.

Настенные часы в служебном коридоре показывали 23:25. В спорткомплексе царила мертвая, гулкая тишина. Мы вошли в мою маленькую тренерскую комнату под трибунами. Я щелкнула тумблером старенького электрического чайника на тумбочке, надеясь согреть озябшие пальцы.

Но в распределительном щитке над дверью раздался сухой треск, посыпались синие искры, ветхие пробки выбило, и комната погрузилась в непроглядный мрак. Чайник затих, едва успев нагреться.

Ярослав не стал чертыхаться. В темноте блеснули белки его глаз, послышался щелчок замка на его брезентовом рюкзаке. На стол со звоном опустился тяжелый двухлитровый армейский термос из нержавеющей стали. Он скрутил глухую пробку — и по тесной тренерской поплыл густой, медовый аромат сушеного шиповника, таежной смородины, чабреца и норильского брусничного листа.

— Брось этот кипяtilьник, — произнес Ярослав, наливая темно-янтарный дымящийся отвар в крышку-кружку и протягивая ее мне. — Мой отец в Норильске тридцать лет в медно-никелевом забое отпахал. Оттуда и сбор: брусничный лист с предгорий плато Путорана и дикий чабрец. Этот настой на ноги ставит быстрее любого швейцарского допинга. Пей. Ты с шести утра на ногах.

Я взяла кружку обеими руками. Обжигающий терпкий настой прокатился по пищеводу, и живое, густое тепло мгновенно разлилось до кончиков замерзших пальцев.

Мы сидели рядом на узком продавленном диване при слабом синеватом свечении моего планшета. За узким зарешеченным окном беззвучно кружился первый тяжелый ночной снегопад.

— Почему Захарова ушла сразу после операции? — тихо спросила я, глядя в темнеющий отвар. — Даже не дождалась выписки из палаты?

Ярослав окаменел. Желваки на его скулах вздулись, а взгляд уперся в черное оконное стекло:

— Она не верила, что я встану. Калинин на следующий день после падения в Граце привел ей нового партнера с готовой спонсорской квотой. В спорте высоких достижений не ждут калек, Алёна. Списан — значит, освободи лед.

Я посмотрела на его огромные сжатые кулаки, лежащие на коленях:

— Мой партнер по танцам улетел в Штаты за две недели до отбора на Олимпийские игры — уже после того, как я восстановилась от падения с трехметровой высоты в парном. Он заявил, что моя хореография слишком сложна для коммерческих шоу, а ему нужны легкие контракты. Я знаю, каково это — когда тебя вычеркивают из списков живых за ненадобность.

Ярослав медленно повернул голову. В полумраке его серые глаза вспыхнули незнакомым, пристальным теплом: он увидел во мне не строгого балетмейстера у борта, а женщину, пережившую точно такое же предательство.

Мои пальцы, державшие кружку, мелко задрожали от нахлынувшего холода старых воспоминаний. Я попыталась спрятать руку в широкий рукав кардигана. Но Ярослав не позволил мне замкнуться.

Его широкая, шершавая ладонь накрыла мои замерзшие пальцы. Он сжал их с бережной, несокрушимой силой:

— Я не твой бывший, Алёна. И ты не Захарова. Я никогда не разожму руку, пока ты в воздухе. Запомни это раз и навсегда.

В комнате повисла звенящая тишина, в которой слышалось только дыхание засыпающего комплекса. Мое сердце пропустило удар. Вспыхнул рефлекс профессионала — отдернуть пальцы, напомнить о дистанции. Но тяжелый, спокойный ритм его пульса под кожей действовал как якорь. Я оставила руку в его ладони:

— Ловлю на слове, Северный. Значит, теперь мы пара?

Он слегка сжал мои пальцы:

— Если ты согласна.

— Согласна.

— Послушай, что я нашла для короткой программы, — я достала из сумки проводные наушники. — Каверин навязал тебе на сезон слащавый венский вальс. Это музыка для умирающих лебедей, а не для сибирского богатыря.

Я вставила один наушник Ярославу, второй надела сама и нажала кнопку воспроизведения.

Из динамика ударил мощнейший симфонический рок: раскатистый бой тяжелых барабанов, рычащий перегруз ритм-гитар, в который виртуозно вплеталась надрывная скрипичная партия «Лунной сонаты». Музыка дышала яростью, напором и сдержанной трагедией.

Ярослав замер. Его зрачки расширились, а нога в тяжелом ботинке непроизвольно начала отбивать четкий синкопированный ритм по линолеуму:

— Здесь есть нерв, — глухо выдохнул он. — В этом есть настоящая мужская ярость. Мы сможем заставить судей принять такое?

— Мы заставим их слушать стоя, — пообещала я. — Пошли в балетный зал. Надо выстроить корпус на полу.

Мы вышли в темный коридор. Тяжелая дверь перехода к хореографическому классу была намертво заперта на ночной замок. Ярослав достал латунную связку дяди Миши, выбрал длинный бороздчатый ключ и повернул в скважине. Замок мягко щелкнул.

Зал хореографии встретил нас прохладой, запахом натертого воском дубового паркета и бесконечной стеной темных зеркал, в которых отражались уличные фонари.

Ярослав встал к полированному деревянному станку, пытаясь выполнить классическое плие, но по привычке сгорбил широкую спину и выставил локти острыми углами, словно снова готовился к тяжелой поддержке:

— Я чувствую себя цирковым медведем на канате, Алёна. Мое дело — выбросить партнершу на четыре метра вверх и поймать, а не крутить носком по паркету.

— Твое дело — не бросать, а вести, — я встала рядом, натянув стопу в струну. — Если ты не научишься чувствовать центр тяжести на полу, на соревновательном льду тебя занесет на первом же чоктау.

Слова не доходили до его заострившихся рефлексов. Тогда я подошла к нему сзади вплотную. Мое тело прижалось к его мощной спине. Я положила ладони ему на подвздошные кости таза, а пальцы левой руки погрузила под реберную дугу:

— Почувствуй мою ось. Опусть крестец вниз. Не зажимай ягодичные мышцы, отдай весь вес в пятку.

Я физически направила вектор его корпуса своим телом. Ярослав вздрогнул. Его огромные, горячие ладони уверенно легли мне на талию, перехватывая движение. Он поймал импульс, скорректировал наклон — и выпрямился, больше не зажимая плечи.

Его дыхание сбилось от внезапной близости моих бедер и жара дыхания возле его шеи:

— Алёна... ты слишком близко.

— На льду между нами не будет и миллиметра воздуха, — шепнула я ему в самое ухо. — Привыкай. Закрой глаза и дыши со мной. Вдох на четыре счета... выдох... держи диафрагму.

Мы замерли перед зеркалом. В полумраке было видно, как наши грудные клетки поднимаются и опускаются в едином, неразрывном ритме.

— А теперь — круговой переход, — скомандовала я, отступая на шаг.

Я ожидала скованного, угловатого движения. Но Ярослав внезапно перехватил мою кисть, мягко повернул меня к себе и, описав рукой безупречную плавную дугу, прикрыл мое плечо своим предплечьем с царственной, благородной мужской грацией. Я замерла, глядя в его потемневшие глаза. Под панцирем северного силовика спал танцор редчайшей природной пластики.

Мы продолжили отрабатывать шаги в носках, но натертый лак паркета предательски скользил.

— Снимай носки, Северный, — велела я, сбрасывая шерсть и вставая на доски босыми ногами. — Стопа должна намертво чувствовать дерево, как лезвие чувствует лед.

Ярослав последовал моему примеру, встав на паркет широкими босыми ступнями. На сложном вращательном соскоке моя уставшая после утренних прокатов щиколотка резко подвернулась. Равновесие лопнуло. Я полетела спиной на жесткий дубовый пол.

В ту же долю секунды Ярослав сорвался с места. Его длинные сильные руки перехватили меня под лопатки и талию в десяти сантиметрах от пола. Ни малейшей судороги, ни тени боли на его лице — он сработал как живой стальной капкан безопасности.

— Поймал, — выдохнул он мне в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.